

ЭПИЛОГ

Итак, исследование подходит к концу. Конечно, что-то представляется мне бесспорным, а по некоторым направлениям предстоит еще немало потрудиться. Теперь я отдаю эту книгу на твой суд, уважаемый читатель. И для меня, конечно, очень важно, как отнесутся к моим выводам специалисты тех областей, куда проник мой дилетантский интерес. Но главное, чтобы среди вас нашлись люди, которых так же, как и меня, увлечет красота и гармония знания, которая открывается пытливому исследователю.

Теперь, закончив чтение этой книги, внимательный и любознательный читатель уже вознагражден. Чем же? А тем, что для него — эта книга намечает *программу* собственных поисков. Ведь не только история письма существует в науке на положении «Золушки» (я упоминал это вначале), многое из того, о чем вы прочли, только пробивает себе дорогу.

Сейчас я сам на своем собственном примере убедился в том, к чему относился с некоторым недоверием. Речь идет о прогнозах скорого окончания периода нашей крайней специализации и наступлении времени нового универсализма [52, с. 169]. Это действительно так, но для этого необходим синтез — синтез науки как таковой и ее подлинное слияние с культурой. Ну а путь к исследованиям не заказан никому. Обратимся к Вильгельму фон Гумбольдту. Он писал в своей работе «Язык и философия культуры» [18], что существуют «два совершенно разных вида изучения языков: один, частный, для навыков понимания, речи и письма, другой, всеобщий, — для проникновения в суть языков, в их взаимосвязи и их влияния на человеческий дух вообще. *Не нужно думать, что последнее могут предпринимать лишь те, кто исключительно или главным образом посвятил себя языкознанию*» (выделено мной — Г.Д.).

Здесь, в конце работы, которая начиналась для меня с веры в красоту законов мира, той веры, которая родилась из научного, но вместе с тем и дизайнерского пост-

роения *красивой* симметричной системы химических элементов, мне хотелось бы вместе с читателем оценить, что же я сделал? Где, в какой сфере человеческого творчества находится эта книга? Стремление к красоте совершенно неожиданно было заменено тривиальной аналитикой, работой счетовода по подсчету букв, но потом, увиденная симметрия пентаграммы (после системы Д.И. Менделеева) вознаградила открывшейся красотой. Далее воодушевленный открытой гармонией азбуки, этой системой древнейших символов человеческой мысли и человеческого духа, я обнаружил, что вернулся к истокам цивилизации, к пониманию ее божественной отправной точки. Эта работа, по существу, стала уже не чисто научным, а **синтетическим**, если угодно, культурным исследованием. Начав с жестокого препарирования, с разрезания живого смысла текстов, я с немалым трепетом заканчиваю эту книгу открытием системы азбуки, системы «живых» аминокислот, смыслов скрижалей Исида и Тота Гермеса и... попыткой точного научного доказательства: открывая знания, мы лишь снова обретаем то, что уже было дано человечеству Теми, кого мы называем богами.

Размышляя о том, какое удивительное и непредсказуемое продолжение ждет мое небольшое исследование, я обратил свое внимание на слова Б. Пастернака о том, что секрет красоты «разгадке жизни равносильна» [46]. Поразительно, как прозорливо и точно прорываются в будущее настоящие поэты.

Пытаясь понять, что же произошло, я открыл наудачу (действительно наудачу!) книгу Андрея Белого «Символизм как миропонимание» [5, с.318-323]: «Любовь зла не мыслит». Это имеет смысл. Я выделяю слово «любовь». Я могу пустить слово «любовь» в другом сочетании: «любовь и смерть». Таким образом, могу ли я слово «любовь» выделять из данного контекста? Далее я произвожу процесс, чтобы понять слово «любовь», надо понять, из каких элементов оно состоит. Слово «любовь» состоит из Л, которая есть такая-то буква алфавита, из Ю, которая есть такая-то буква алфавита, и т.д. Таким образом, чтобы понять, мы должны твердо верить, что мы постепенно осязаем, только видя, мы осязаем, когда видим начертанное

слово “любовь” и т. д., мы осязаем “любовь”, но, осязая буквы алфавита, мы не осязаем слова».

Лучше поэта не скажешь... Даже говоря о смысле слова он сумел сказать все. Слово и буква. Культура и знание. Любовь и смерть... Поэт... уже все знал о моей книге, давайте вместе прочтем:

«...Это стремление рассудочных философов, которые сосредоточились на чисто рассудочном уяснении познавательных форм, это стремление философии... режет по живому организму человеческого сознательного творчества, не собирает, а разлагает известные неделимые связности, отдельные части, а эти отдельные части, в свою очередь, на другие отдельные части, т.е. производит ту работу, которую произвел бы статистик, который пожелал бы объяснить “Войну и мир” подсчетом букв алфавита, который сказал бы: “Война и мир” состоит из 36 букв алфавита, где буквы А стоят в таком-то отношении к буквам Б и т.д. Но тогда можно сказать, что и “Капитал” Карла Маркса состоит из 36 букв алфавита, и “Евангелие” состоит из 36 букв алфавита. И тогда к чему книги писать, если все книги можно разложить на 36 букв алфавита и исчислить статистическое отношение между буквами в “Капитале” Маркса и “Войне и мире”».

Но... случилось то, чего Поэт не предполагал. Разрезав живую ткань слова, удалось обнаружить то, почему оно действительно живое.

Поэт остается прав в другом, он — символист, он точно обозначает выбор: «Любовь зла не мыслит» или «Любовь и смерть». Постепенно мы узнаем то, что было известно несколько тысячелетий назад, да и то только избранным, и хотелось бы, чтобы это знание стало *культурой* человеческой цивилизации, а не ее смертью...

Ведь оказывается, от слова до геной инженерии даже не один шаг, это **одно и то же**. Мы говорим на языке своих генов, но одновременно все то, что мы думаем и говорим, на этих же генах отпечатывается. А то, что накапливается мировой литературой — это и есть общий единый геном человечества. И теперь, входя в литературный институт, подумайте о том, что вы входите в институт генетики...

январь-апрель 1997 г.

Тольятти — Саратов — Москва

Приложение

Логика расположения аминокислот в естественную последовательность

Рассказывая о кропотливой работе по «строительству системы», я не буду особо выделять логические принципы этого построения — они есть и в основном тексте и вплетены в приводимые ниже рассуждения. Отмечу лишь, что параллельно и одновременно с этой «строгой» работой я занимался раскладкой своеобразного аминокислотного «пасьянса», в двадцати карточках которого были прорисованы графические формулы и важнейшие физико-химические свойства индивидуальных L-аминокислот.

Первым в искомой последовательности (изображенной на рисунке 36) я поместил глицин [I, 1]*, как наиболее структурно простую и легкую аминокислоту. Обнаружив закономерность парности, я не смещал вправо расположение последующих аминокислот до тех пор, пока не удавалось подобрать пару к уже имеющейся.

Естественно, что первой парой логично оказались глицин и аланин [I, 2], различающиеся по своему составу на группу CH_2 (разница порядковых номеров равна восьми). Кстати, это вполне соответствовало традиционным представлениям о гомологических рядах в органической химии.

Первая молекула очередного «дуплета» — серин [II, 1], при этом в пару ему можно выбрать треонин, валин, цистеин или гистидин, имеющие одинаковый очередной код молекулы, равный единице (или код радикала — 7). Разумеется, я сразу же «отодвинул» гистидин влево на позицию V, поскольку он имеет больший, чем остальные, порядковый номер. На место [II, 2] я поставил треонин, как наиболее близкий серину по химическому характеру.

Имея двух равнозначных претендентов на поз. [III, 1] и [IV, 1] — валин и цистеин, я начал подбирать им пары из ближайших аминокислот с меньшими кодами, то есть лейцина, метионина, триптофана, изолейцина и пролина. Состав, строение и химический характер этих молекул однозначно подсказали мне, что парой валину является лейцин, а цистеину — метионин, несмотря на то, что последний отличался не на одну, а на две единицы по ступеням уменьшения кодов. Поскольку лейцин [III, 2] по логике построения системы явно должен был располагаться «левее» метионина [IV, 2], то эту же последовательность я перенес на первые номера этих пар, расположив цистеин [IV, 1] «правее» валина [III, 1]. Первые две

* Первая римская цифра — номер столбца на рис. 36. Вторая, арабская — номер аминокислоты в выделенной паре (первый или второй). Например: лизин — первый, аргинин — второй.

пятерки парных аминокислот оставалось закономерно завершить парой гистидин [V, 1] — триптофан [V, 2].

В начало второй половины последовательности аминокислот я логично поставил изолейцин [VI, 1] — аминокислоту, имеющую максимальный (из всех оставшихся в наличии) числовой код радикала, равный шести. Две молекулы — пролин и лизин имели очередной код, равный пяти, и в качестве пары для изолейцина я выбрал первую из них, как наиболее близкую (гомологичную) по своему химическому характеру, несмотря на то, что этот особый элемент системы является циклической иминокислотой (что, впрочем, как это можно видеть, не мешает этой особой аминокислоте четко найти свое место в обнаруженной нумерологической закономерности).

Из оставшихся восьми аминокислот я выделил три явные пары по четкой разнице порядковых номеров (равной восьми) и по их химической гомологичности. Это пары: аспаргиновая кислота — глутаминовая кислота, аспаргин — глутамин, а также фенилаланин — тирозин. Оставалось соединить в пару (несмотря на резко различающиеся коды их порядковых номеров) остающиеся две аминокислоты — лизин и аргинин. Впрочем, очевидная схожесть их химического характера явно и однозначно подтверждала правильность такого объединения.

Для взаимного расположения этих последних четырех пар по горизонтали матрицы я принял принцип последовательного увеличения порядкового номера аминокислот — принцип, который можно было наблюдать и в начале системы, хотя из подобной закономерности явно выбивалась особая пара изолейцин — пролин, имевшая больший порядковый номер, чем у стоящих «правее» аспаргиновой и глутаминовой кислот (или аспаргина и глутамина), и меньший, чем у стоящих «левее» гистидина и триптофана.

Разумеется, лизин и аргинин, помещенные вместе на девятую позицию по горизонтали, имели резко различающиеся коды порядковых номеров (на четыре единицы). Но даже эта непохожесть, собой в принципах построения оказывались проявлением некой закономерности, неким эффектом «предпоследней пары», поскольку четвертая пара первой «десятки» (цистеин — метионин) также не была строго гомологичной.

Для взаимного расположения в системе аспаргина и глутамина и пары соответствующих им кислот не оставалось никаких логических оснований, и очередность этих двух пар поначалу была выбрана условно (кислоты на седьмой позиции, аспаргин с глутамином — на восьмой). Проведенное затем доказательство, подробно приведенное в основном тексте, вполне подтвердило правильность моего выбора.